„Дневникъ" протоіерея о. Родіона Путятина *).

Кому изъ отечественнаго духовенства незнакомы имя и труды извѣстнаго проповѣдника протоіерея Родіона Путятина? Его

*) „Дневникъ" прот. Путятина открытъ студентомъ Московской Академіи А. Ряжскимъ, воспользовавшимся имъ при написаніе сочиненія на тему „Родіонъ Путятинъ, какъ проповѣдникъ. Изъ отзыва объ этомъ сочиненіи, напечатанномъ въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1904 годъ мы и привели выше помѣщенныя выдержки. Желательно, весьма желательно было бы видѣть этотъ дневникъ въ печати.

проповѣди выдержали уже 22 изданія. Такой успѣхъ чрезвычайно рѣдко выпадаетъ на долю даже самыхъ извѣстныхъ писателей. Очевидно проповѣди о. Путятина отличаются большими, такъ сказать, нестарѣющими достоинствами. Но о личности проповѣдника, его жизни и пастырской дѣятельности извѣстно очень немногое, хотя, безъ сомнѣнія, біографія такого замѣчательнаго пастыря была бы весьма поучительна. Для этой біографіи много матеріала даетъ «дневникъ», который велъ о. Родіонъ Путятинъ. Благодаря этому «Дневнику», проливается новый свѣтъ на многія стороны жизни и дѣятельности проповѣдника, начиная съ годовъ образованія и кончая послѣдними годами его жизни. Многія изъ этихъ страницъ весьма оригинальны и цѣнны. Такъ о семинарскомъ образованіи онъ пишетъ: «Да, насъ не только не учили мыслить, но, напротивъ, отучали, не давали, запрещали мысль. Не смѣй своего сужденія имѣть, вотъ главное правило, котораго мы въ Семинаріи должны были держаться». Объ академическомъ: «насъ не пріучали мыслить, а учили сочинять, составлять изъ чужихъ мыслей цѣлое, что-нибудь. Какъ, обыкновенно, мы писали? Тутъ почитаешь, въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ; подумаешь, пособразишь немного, а иногда и много, долго, и думая, не о томъ заботишься, чтобы дѣло сказать, правду, а о томъ, чтобы правильно сказать, т. е., по правиламъ реторики сказать. Пріучая насъ сочинять, отучали мыслить. Не то, что мы боимся высказать свои мысли, а мы не умѣемъ ихъ высказать, выразить, и не только мыслей своихъ не умѣемъ высказать, но и мыслить по своему, такъ сказать, не умѣемъ, не привыкли». Не на этой мудрости останавливается его духовный взоръ. Читая живыя, проникающія въ душу и затрогивающія сердце бесѣды Спасителя, Путятинъ говаривалъ: «что можетъ быть лучше, проще и назидательнѣе этихъ бесѣдъ; хорошо бы такъ говорить каждому проповѣднику». Въ другомъ мѣстѣ о. Родіонъ Путятинъ пишетъ: «читалъ посланія Ап. Павла. Какъ хорошо, какъ все просто, искренно, откровенно, безыскусственно. Вотъ бы какъ надо намъ писать». Во время пребыванія въ Академіи у него уже отчасти сложилась та оригинальная гомилетическая теорія, которой онъ держался впослѣдствіи все время. «Когда я былъ,—учился въ Академіи, и тогда еще я замышлялъ держаться, главнымъ образомъ, историческихъ фактовъ, примѣровъ, опытовъ, поученій важныхъ лицъ. При окончаніи курса, поступая на должность, я не оставлялъ своей мысли.

Помню, какъ читалъ я Прологи, Четіи-Минеи, отмѣчалъ въ нихъ, выписывалъ изъ нихъ интересное. И на должности то же занимало меня преимущественно. Покупалъ книги такія, въ которыхъ описываются опыты, примѣры благочестія. Наконецъ, я положилъ написать краткія поученія о истинахъ вѣры и дѣятельности изъ этихъ историческихъ опытовъ». На служеніе слова онъ смотрѣлъ необыкновенно высоко: «сейчасъ, пишетъ онъ, хотѣлъ было я пѣть Лазаря—приготовить къ печати такое поученіе, ради котораго можно барышъ получить... Нѣтъ, не хочу! Свободна убо тварь познаваюсь. Нѣтъ, не стоитъ игра свѣчъ. Если не грѣхъ, то все таки правды нѣтъ. Надобно печатать то, что само за себя постоитъ, само по себѣ печати стоитъ». Онъ самъ о себѣ говоритъ: «Богъ сроднилъ меня съ вами (съ прихожанами), во всемъ мірѣ теперь нѣтъ людей, которые бы по духу были такъ близки ко мнѣ, какъ близки вы; вы теперь для моего духа все —и предметъ заботъ, и источникъ утѣшеній; вашимъ спасеніемъ я спасаюсь, ваша погибель и мнѣ грозитъ гибелью. Моему сану надлежитъ слово Божіе проповѣдати не точію языкомъ, но пишущею рукою. То моё дѣло, то мое званіе, то моя должность». Поэтому весьма часто выступалъ съ словомъ назиданія о. протоіерей. Замѣчаетъ ли онъ пороки въ обществѣ, обиды, злоупотребленія, неправедный судъ, нарушеніе правъ ближняго—все это даетъ ему поводъ запретить, обличить, умолить; устроятся ли церковь въ приходѣ, производятся ли выборы на общественныя должности, появляется ли эпидемія, распространяется ли расколъ, обнаруживаются ли факты невѣжества, необразованности—все онъ обсуждаетъ просто, съ христіанской точки зрѣнія. Нѣтъ такого маленькаго событія, на которое не обратилъ бы вниманія о. Родіонъ. Онъ сѣялъ сѣмя слова Божія вездѣ и всегда, и въ храмѣ, и на стогнахъ, и въ домахъ, и при божественной литургіи, и при погребеніи, и при всякихъ другихъ требахъ. Въ тѣ дни, когда онъ служилъ самъ, онъ почти всегда произносилъ поученіе. «Надобно непрестанно говорить, писалъ онъ, непрестанно говорить въ церкви проповѣди, всякій праздникъ. Давно я чувствовалъ, сознавалъ эту необходимость. Теперь еще больше нахожу это необходимымъ. Люди нынѣшніе забылись, не помнятъ своихъ существенныхъ обязанностей. Надобно непремѣнно говорить, говорить. Не знаю, какъ сказать, какъ это необходимо, нужно, полезно. И говорить надобно какъ можно чаще, всегда, при всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, при боль-

нихъ всѣхъ собраніяхъ». Когда о. Родіону почему либо не удавалось говорить поученіе въ церкви, то онъ искренно объ этомъ скорбѣлъ; по крайней мѣрѣ, въ тотъ періодъ своей жизни, когда онъ обладалъ достаточнымъ запасомъ физическихъ силъ и болѣзнь не сломила его здоровья, онъ сожалѣлъ и скорбѣлъ, если въ праздникъ идетъ въ церковь безъ поученія. Въ своемъ дневникѣ въ 1861 году онъ писалъ: «было время, когда я скорбѣлъ, если въ праздникъ иду, бывало, къ обѣдни безъ поученія. Нынѣ нѣтъ. Отчего? Отъ слабости силъ, частію же потому, что не считаютъ нужнымъ эти поученія наши». Когда ему почему либо не приходилось долго писать поученія, то это его безпокоило. Въ дневникѣ своемъ онъ писалъ: «нынѣ съ безпокойствомъ думаю о томъ, что я давно не пишу. А какъ давно? мѣсяца полтора, чуть не два. Правда я думалъ, затѣвалъ, но этимъ все и оканчивалось». Онъ постоянно думалъ о планахъ для поученій; постоянно строилъ планы для новыхъ поученій. Въ своемъ дневникѣ онъ почти ежедневно даетъ отчетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, что написалъ, о чемъ думалъ. «Все планы строю, писалъ онъ, а построить еще ничего не построилъ. И какъ же что нибудь построю, когда планы строю. Время все уходитъ въ черченіи то того, то другаго плана, а на постройку ничего не остается. Хоть что нибудь маленькое да цѣлое. Думалъ сейчасъ о проповѣди. Все не клеится у меня. Отчего? Оттого, что берусь за многое и за разное. Нѣтъ, однимъ надобно заняться, одному надобно себя посвятить. Я все думаю, размышляю, планы строю, хочу, т. е., что нибудь сдѣлать, и не то что хочу, а хочется мнѣ что нибудь сдѣлать, т. е. написать, сочинить. За чѣмъ же дѣло? Мнѣ хочется сдѣлать больше съ небольшими трудами. Да, такъ. И потому не знаю, что мнѣ дѣлать. Большое маленькими силами не дѣлается. И вотъ я досадую, скорблю, что силы у меня мало. Я готовъ, радъ сдѣлать и маленькое, только хорошенькое; но и это не дается, не дѣлается». Или вотъ еще примѣръ того, какими планами задавался о. Родіонъ. «Нынѣшній день, пишетъ онъ 10 октября 1859 года, я брался говорить о многомъ: дневное Евангеліе готовился изъяснить, или что нибудь изъ него; «Отче нашъ» хотѣлъ начать изъяснять; о необходимости для каждаго христіанина имѣть у себя дома Евангеліе и другія Божественныя книги; о необходимости для каждаго изъ насъ трудиться, дѣлать что-нибудь такое, что могло бы приносить пользу намъ и другимъ. Чѣмъ же кончится? Да ничѣмъ». Иногда планы о. Родіо-

на были обширны. Онъ задавался цѣлію написать изъясненіе символа вѣры, молитвы Господней, изъяснить литургію, богослуженіе, написать общедоступно систему христіанскаго ученія. «Чего чего я въ свой вѣкъ не затѣвалъ, писалъ онъ, символъ вѣры хотѣлъ объяснить, потомъ литургію, прочія службы и уже написалъ проповѣди двѣ три, послѣ хотѣлъ писать бесѣды на разные манеры. Въ Рыбинскѣ было много покушеній. Кажется все перепробовалъ. Чѣмъ же все это кончится? Ужели ничѣмъ? Нѣтъ, во чтобы то ни стало буду заниматься тѣмъ, для чего переплетены начатки христіанскаго ученія». Не легко давались о. протоіерею поученія, которыми всѣ такъ увлекались. При писаніи поученій ему приходилось много мучиться и страдать. «И самое краткое поученіе, говоритъ онъ, не малаго труда мнѣ стоитъ: вчера я часа три, четыре все рождалъ и десять строкъ, не больше, написалъ. Чѣмъ же кончилось? Ничѣмъ? Да, я всю ночь мучился, не спалъ по милости приготовленія поученія и доходилъ вчера ночью до совершеннаго изнеможенія. Дорого бы я далъ, если бы кто меня избавилъ отъ моего труда. Просто я страдалъ, мучился ужасно. Тяжелое дѣло, скорбное дѣло сочинительство. Сколько однихъ тревогъ, сомнѣній, недоумѣній, опасеній! Вотъ искушеніе: 1-й часъ за полночь, а я не сплю, потому не спится, часа полтора лежалъ на постели и никакъ уснуть не могу. Думалъ о поученіи къ завтрему: ничего не могъ придумать. Отчего эти поученія не даются намъ такъ, безъ труда? Мало того, что трудъ для нихъ необходимъ, нѣтъ надобно... ужъ не знаю, какъ сказать, что надобно: измучиться, изъ силъ выбиться, послѣ большихъ усилій, послѣ долгаго напряженія, и все таки этого мало. Не напрасно говорятъ, что для всякаго писателя вдохновеніе необходимо: т. е. необходимо, чтобы свыше что нибудь пришло къ тебѣ, чтобы что нибудь натолкнуло тебя на мысль. Что меня заставляетъ заниматься или вѣрнѣе сказать мучиться надъ поученіями?... А я въ собственномъ смыслѣ мучусь или мучился надъ нѣкоторыми». Въ тѣхъ случаяхъ, когда поученіе почему либо не давалось о. Родіону, онъ обращался съ молитвою къ Богу. Вотъ какъ онъ молился послѣ неудачной попытки написать поученіе: «все не то, все не такъ. Такъ что же, такъ какъ же? Господи! Вразуми меня, вразуми меня, что я долженъ говорить. Мнѣ хочется говорить, мнѣ больно, что не умѣю, не могу говорить, какъ мнѣ хочется. Ты, Господи, Самъ скажи мнѣ, что и какъ я долженъ говорить». Вотъ еще: «пош-

ли, Господи, мнѣ мысль какую нибудь святую, которою бы освятилась и оживилась холодная моя душа и которую я могъ бы завтра передать другимъ, подобнымъ мнѣ». Не легко давались поученія о. протоіерею потому, что онъ не хотѣлъ говорить ничего чужого, ничего шаблоннаго, ничего непродуманнаго, невыношеннаго въ своей груди. «Для поученія, пишетъ онъ, довольно одной минуты или даже секунды довольно. Но этой секунды приходится долго ждать, иногда нѣсколько часовъ, цѣлыя сутки и дни. Иногда такъ ждешь, ждешь этой секунды, да и бросишь все и ничего не сдѣлаешь». Послѣ продолжительныхъ заботъ о проповѣди, иногда его осѣняло давно ожидаемое имъ вдохновеніе. «Вчера очень довольно писалъ, говоритъ онъ, и нынѣ послѣ утрени писалъ, наконецъ, бросилъ все. Такъ и рѣшилъ было ничего не говорить. Вдругъ пришла одна мысль, давно бывшая въ головѣ, опредѣленная, хоть и весьма не важная, самая простая, обыкновенная; я за перо, и поученіе черезъ часъ готово. Странно, многимъ очень оно понравилось. А все то оно не болѣе четвертинки листа. Нынѣ я говорилъ поученіе, пишетъ о. Родіонъ, въ которомъ касался современныхъ дѣлъ. Поученіе не было задумано вчера, а было написано утромъ, съ одного маху; не успѣлъ даже прочитать написанное». Прежде чѣмъ отдать въ печать поученіе, онъ тщательно исправлялъ его; если же оно оказывалось очень неудачнымъ, то уничтожалъ его. «Просматривалъ, пишетъ онъ, старый хламъ свой. Нѣкоторыя, впрочемъ, одно только, до того приторно, что тотчасъ разодралъ. Препорядочно мучусь я за поученіями. Доселѣ исправилъ ихъ немного. Четыре почти совершенно вновь передѣлалъ. Впрочемъ придется кажется, всякое—вновь почти. Должно быть съ перваго числа я началъ ихъ поправлять. Слѣдовательно, нынѣ три недѣли... Доселѣ занимался разсматриваніемъ своихъ катихизическихъ бесѣдъ—съ тѣмъ, чтобы послать ихъ въ Епархіальныя Вѣдомости. Нѣтъ, не стоятъ. И потому досаду одну на себя принесло мнѣ это разсматриваніе. Нѣтъ, не годятся. Почему нѣтъ въ нихъ, почти нѣтъ ни одного живого слова? Только живое слово живо и дѣйственно. Одно живое слово лучше тысячи. Да, досаду навели на меня эти бесѣды. Я продолжаю себя разбирать, разлагать, и хочу все или всѣ оставить, потому что въ нихъ во всѣхъ дѣла мало сказано, а недѣла, не къ дѣлу очень много, для одной круглоты рѣчи, для складу, для того только, чтобы читать или слушать было пріятно... Нѣтъ, видно я не въ

духѣ, оттого и свое мнѣ ничто не нравится». И не одинъ годъ такъ трудился выдающійся проповѣдникъ. Послѣдніе два года Родіонъ Путятинъ не могъ даже неопустительно посѣщать богослуженіе. Но дома у себя онъ, хотя и больной, продолжалъ трудиться надъ своими поученіями. За нѣсколько дней до смерти его видѣли работающимъ за письменнымъ столомъ. («Орл. Еп. Вѣдом.»).